

УДК 8; 82.02

**РОМАН Ю. СЛЕПУХИНА «НИЧЕГО КРОМЕ НАДЕЖДЫ»
В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ**

©*Погребная Я. В.*, ORCID ID 0000-0002-9974-9147, д-р филол. наук,
Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия, *maknab@bk.ru*

**ROMAN Yu. SLEPUKHIN “NOTHING BUT HOPE”
IN THE ASPECT OF TYPOLOGICAL ANALOGIES**

©*Pogrebnyaya Ya.*, ORCID: 0000-0002-9974-9147, Dr. habil.,
Stavropol State Pedagogical Institute,
Stavropol, Russia, *maknab@bk.ru*

Аннотация. Проведен сравнительно–исторический анализ романов Ю. Г. Слепухина «Ничего кроме надежды» и Дж. Литтелла «Благоволительницы» путем выделения сходных содержательно и идеологически эпизодов, направленных на утверждение гуманистической позиции обоих писателей.

Abstract. A comparative analysis of the historical novels of Yu. G. Slepukhin “Nothing but hope” and J. Littell “The Kindly Ones” by highlighting similarities and ideologically meaningful episodes, aimed at promoting a humanistic position of both writers.

Ключевые слова: типология, аналогия, гуманизм, пропаганда, нравственный результат.

Keywords: typology, analogy, humanism, propaganda, moral result.

Творчество Ю. Г. Слепухина (1926–1998) по объективным и не зависящим от писателя причинам только на рубеже XX–XXI века стало в полном объеме доступно читателям, критикам и исследователям, преимущественно благодаря пятитомному собранию избранных произведений писателя, публиковавшемуся с 2005 по 2011 гг. в издательстве «Ладога» [24]. Осознанию наследия писателя во всей полноте способствовала публикация публицистики [17, с. 379–470] и писем [25, с. 471–481] писателя, осуществленная благодаря деятельности Фонда Юрия Слепухина. Проведенные по инициативе Фонда в 2012 [28], 2014 [27], 2016 гг. Слепухинские чтения способствовали выработке основных направлений исследования творчества писателя, определению его роли в истории отечественной литературы.

Вполне закономерно, что в изучении творчества писателя–репатрианта одним из доминирующих направлений выступает поиск художественной идентичности писателя, как в контексте истории литературы русского зарубежья, так и в контексте истории отечественной литературы второй половины XX века. При этом необходимо подчеркнуть, что отечественная наука о литературе более «продвинулась» в направлении реконструкции первого из указанных контекстов. Наиболее плодотворными выступают исследования П. Н. Базанова [3, с. 301–323], Ю. В. Матвеевой [10–11], М. Н. Мосейкиной [14, с. 55–67]. Исследование П. Н. Базанова носит историко–литературный характер, в нем, как указывает Л. П. Егорова, «представлена картина второй волны русской эмиграции, дополненная экскурсом в историю русской диаспоры в Аргентине. На этом фоне подробно исследуется эмигрантское окружение

Ю. Г. Слепухина, его деловые и дружеские связи в 1947–1957 гг. В этом аспекте П. Н. Базановым анализируются и романы Слепухина «Тьма в полдень», «Ничего кроме надежды», «Южный крест» и оставшийся неоконченным роман «Не подводя итогов»; сообщаются интересные сведения о прототипах их героев–эмигрантов, делаются выводы об их отношениях к Родине и к политическим реалиям жизни в СССР» [5, с. 212]. Работа профессора Российского университета Дружбы народов М. Н. Мосейкиной направлена на сравнительно–типологический анализ трех представителей русской эмиграции в Латинской Америке: поэта В. Ф. Перелешина¹, писателя П. П. Шостаковского² и Ю. Г. Слепухина. Типологическая общность трех представителей русского литературного зарубежья, по мнению исследователя, состоит в общности, как экстралитературных факторов, собственно судеб писателей, так и их мировоззренческой позиций: «Они, — подчеркивает М. Н. Мосейкина, — ставили задачу сохранить связь с родиной через печатное слово. Они отстаивали идею единства культуры русского зарубежья и метрополии, и ее подтверждением стало возвращение их книг в Россию» [14, с. 64]. Расширяет контекст, определяя историко–художественную идентичность творчества Ю. Г. Слепухина, В. В. Агеносов, предлагая сравнительно–исторический анализ восприятия войны в тетралогии Юрия Слепухина и писателей ДИ–ПИ и второй волны эмиграции [1, с. 60–78].

В монографии и докторской диссертации Ю. В. Матвеевой, посвященных исследованию творчества писателей младоэмигрантов, общие типологические черты, свойственные писателям–эмигрантам «второй волны» характеризуются еще более емко и глубоко. С точки зрения исторической детерминированности мировоззрения писателей младоэмигрантов, согласно наблюдениям Ю. В. Матвеевой, можно представить как целостное в своем мировоззрении поколение, которому свойственны общая направленность творческого поиска и доминирующие черты художественного сознания, а именно ««мистическое чувство жизни, романтический уклад сознания, устремленность в перспективу экзистенциальной философии» [10]. В самом деле, если сравнить позиции эмигранта первой волны В. Ф. Перелешина, который в программном стихотворении «Три родины» (1971) описывает свой жизненный путь, как начатый у Ангары, продолженный в стране «шелков, и чая, и лотосов, и вееров», которую он полюбил как «вторую родину», называет своей «последней Родиной» Бразилию, с позицией Юрия Слепухина, который так и не перестал чувствовать себя «нежелательным иностранцем» [17, с. 393], так и не обрел на

¹ Перелешин Валерий Францевич (1913–1992; наст. фамилия Салатко–Петрище) — в 1920 г. эмигрировал из Читы в Китай, Харбин. В 1938г. принял монашество в харбинском Казанско–Богородицком монастыре. В 1953 г. переехал в Бразилию. Опубликовал 14 стихотворных сборников, в том числе сборник стихотворений на португальском, а также антологии переводов из китайской и бразильской поэзии. Перевел трактат «Дао Дэ Дзин».

² Шостаковский Павел Петрович писатель, мемуарист. — В начале 1920–ых гг. жил в Аргентине и Чили, в Чили в 1926 г. опубликовал свой первый рассказ «Мышь». В 1943 г. возглавил в Аргентине Славянский комитет, объединивший людей, помогавших СССР в войне с Германией. В 1955 вместе с семьей и тремя внуками вернулся в СССР и поселился в Минске. М. Н. Мосейкина указывает на его значительный вклад как в популяризацию русской культуры и истории в Аргентине, так и на масштаб его культурно–просветительской деятельности: В 50 лет он хорошо освоил испанский язык и стал писать для Латинской Америки о России. В частности, им написаны «Русская голгофа. Опыт критики Русской революции», «Потонувший мир. Воспоминания о царской России». Он же написал историю русской литературы на испанском языке. Сегодня эта книга является базовым учебником для высших учебных заведений соответствующего профиля в Чили. Он же перевел на испанский «Дневники писателя» Достоевского» Русские в Латинской Америке: сколько и почему? // Беседа корреспондента Росбалт Татьяны Чесноковой с профессором Мариной Мосейкиной. От 23 октября 2013 г. // <http://www.rosbalt.ru/main/2013/10/10/1186236.html>

чужбине ощущения своей нужности читателю, востребованности своего творчества, поэтому выбрал судьбу репатрианта, поскольку, «нельзя жить на чужбине, если хочешь всерьез заниматься искусством», как утверждает в выводах о понимании Ю. Г. Слепухиным феномена эмиграции профессор Северо-Кавказского федерального университета Л. П. Егорова, проделав анализ публицистики писателя [5, с. 215]. С другой стороны, представитель старшего поколения эмигрантов П. П. Шостаковский вернулся из Аргентины в СССР в 1955 году и до конца дней жил в Минске, работая над мемуарами. Сделанные оговорки указывают на необходимость взаимодополнения как обобщающих тенденций в процессе типологическом анализе литературного творчества писателей эмигрантов второй волны, так и тенденций, направленных на установление авторской идентичности, художественной уникальности творчества каждого писателя.

В этом направлении чрезвычайно интенсивно и плодотворно развивается исследование поэтики романов и повестей Ю. Г. Слепухина. М. Е. Бабичева показывает художественную разработку проблем войны и мира, как конструктивных идейно-тематических комплексов, в тетралогии писателя [2, с. 252–272], Е. В. Мельникова выделяет ведущие мотивы, сообщающие художественную целостность тетралогии Ю. Г. Слепухина [12, с. 74–78], в качестве идеологически и эстетически значимого идентифицируя образ дороги [13, с. 3–6], Я. В. Погребная анализирует жанровую специфику романов Ю. Г. Слепухина [19, с. 372–378], определяемую принципиальным содержательным обновлением жанров массового романа, в частности, приключенческого или шпионского («Южный крест») [20, с. 487–495], [21, с. 169–174] или романа воспитания («Киммерийское лето»), открывающие возможности для читательского сотворчества, которое в силу «отсутствия тенденциозности и заданности ... делает романы Ю. Слепухина «романами-открытиями», открытыми для свободных, а не смоделированных интерпретаций» [19, с. 373].

Наименее разработанным на сегодняшний день представляется направление исследования творчества Юрия Слепухина в контексте истории отечественной литературы второй половины XX века. На безусловную взаимосвязь тетралогии писателя не только с прозой писателей второй волны эмиграции, но и на развитие и даже предвосхищение тенденций «изображения войны, присущих прозе В. Гроссмана, В. Быкова, К. Воробьева», — указал В. В. Агеносов [1, с. 61], развивая собственные наблюдения исследователь представил на Слепухинских чтениях — 2016 года доклад, в котором поделился результатами сравнительного анализа романа Ю. Г. Слепухина «Тьма в полдень» и первой романтической редакцией «Молодой гвардии» А. Фадеева, подтвердив озвученный ранее вывод, что «Ю. Слепухин дал гораздо более глубокую, многогранную и реалистичную картину деятельности молодежного подполья» [1, с. 62]

Между тем, для писателя-эмигранта и репатрианта в значительно большей степени, чем для его однозначно с точки зрения гражданской принадлежности идентифицированных соотечественников, актуален типологический анализ его творчества в более широком контексте. Длина контекста определяется уникальным положением писателя-эмигранта, не принадлежащего в полной мере с точки зрения ортодоксальной закрепленности ни миру оставленного Отечества, ни новой стране, которая может стать, а может и не стать родиной, причем, статус ее динамики определяется позицией самого писателя, а не идеологической повесткой. Характеризуя мировоззренческую уникальность писателей-младозэмигрантов, Ю. В. Матвеева указывает именно на эту свободу, на их способность «в отличие от старших эмигрантов, одинаково спокойно и свободно смотреть как на Восток, так и на Запад» [11, с. 73]. Само политическое положение писателя-эмигранта на границе между двумя мирами, его роль медиатора по отношению к самой этой границе, его способность в силу уникальности

этого положения видеть исторические и социальные явления более объемно; возможность, в силу отсутствия идеологических ограничений, предлагать и осмысливать разные версии событий, разные точки зрения на их причины и последствия, сама принадлежность писателя–эмигранта и репатрианта к двум мирам предполагает возможность и актуализирует необходимость рассматривать его творчество в контексте развития не только отечественной, но и мировой литературы. Вторая причина возможности расширения контекста коренится в общемировом масштабе событий, к которым в тетралогии обращается Ю. Г. Слепухин. Писатель предлагает свою версию исторического романа с документальной точностью воссоздавая события Второй мировой войны, не подвергая их художественной интерпретации (на фактическую точность военной тетралогии Слепухина обратил внимание Б. Н. Ковалев [6, с. 284–300]). Гуманистическая позиция писателя в сочетании с исторической и фактической точностью обеспечивает эффект достоверности происходящего, то есть собственно романного сюжета, поскольку Слепухину интересен человек на войне, его моральное и психологическое состояние, его нравственная эволюция или деградация. Уникальность романов Ю. Г. Слепухина состоит в том, что писатель обобщает собственный исторический и этический опыт: романная тетралогия писателя релевантна по отношению к интертексту. Именно поэтому чрезвычайно интересен и плодотворен будет сравнительно–типологический анализ тетралогии Ю. Г. Слепухина, направленный на установление типологических аналогий с современными зарубежными романами, обращающимися к тем же событиям, которые воспроизведены в романах Слепухина.

Роман Джонатана Литтелла (США, Франция) «Благоволительницы» (2006, рус. пер. 2014) о событиях Второй Мировой войны и падении Берлина написан представителем послевоенного поколения. Своеобразие творческого решения Дж. Литтелла (р. 1967) состоит в том, что он помещает вымышленного героя в детально и точно воссозданные обстоятельства — события Отечественной войны на юге СССР. В отличие от Слепухина писатель не может опереться на личный опыт. Хотя писатель занимает активную гуманистическую позицию: он состоял с 1994 по 2001 год в международной гуманитарной организации «Action Against Hunger» («Действия против голода»), работал с гуманитарной миссией в Боснии и Герцеговине, Чечне, ДР Конго, Сьерра–Леоне и Афганистане. В Чечне Литтелл однажды был легко ранен при нападении. Анализ событий Чеченской войны писатель, как непосредственный их участник, представил в документальной прозе [8].

В 2012 году Литтелл нелегально посетил город Хомс в Сирии, когда там шли бои между правительственной армией и повстанческими силами, во время пребывания в Хомсе Литтелл вел дневник, который впоследствии опубликовал под названием «Хомские тетради» [9]. Дж. Литтелл продолжает активную гуманитарную деятельность: в 2016 на внеконкурсной программе Каннского фестиваля был представлен фильм «Неправильные элементы» (Литтелл выступил и как сценарист и как режиссер) о действиях в Уганде повстанческой группировки Господня армия сопротивления, которая привлекала детей к участию в боевых действиях и преступлениях.

Необходимо учесть огромный интерес Дж. Литтелла к России, к русской литературе, его владение русским языком и путешествия по России на протяжении 2001–2002 гг. с целью сбора материала для романа «Благоволительницы». Нужно принять во внимание и то обстоятельство, что роман «Благоволительницы» является синтетическим романом не только исходя из принципа синтеза документальной прозы и художественной, но и с точки зрения включения постмодернистских художественных приемов в ткань реалистического повествования, равно, как и энциклопедичность интертекста романа, включающего аллюзии из античной трагедии, мифов об Оресте, и фильмов Л. Висконти «Гибель богов» (1969) и П.

П. Пазолини «Сало, или 120 дней Содома» (1975), из-за которого режиссер был в 1975 году зверски убит неонацистами, о феномене нацизма и его античеловеческой сущности.

В романе Дж. Литтелла часть действия протекает в оккупированном Пятигорске, который герой-рассказчик воспринимает через призму лермонтовского романа: Академическая галерея сразу аттестована им, как «бывшая Елизаветинская», в которой «Печорин впервые увидел княжну Мери» [7, с. 209], немецкое казино, помещенное в здании, где ранее располагалась «Ресторация», герой отмечает как место, где «Печорин встретился с княжной Мери» [7, с. 215], у Провала герой спрашивает: «Не здесь ли Печорин встретил Веру?» [7, с. 221]. Главный герой признается, что «когда-то не расставался с «Героем нашего времени» [7, с. 210]. Во время пребывания в Пятигорске герой много размышляет о судьбе Лермонтова, о гибели поэта на дуэли, вспоминает слова Блока о Пушкине: «Его убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха» [4], — и приходит к выводу, что эти слова в полной мере относятся и к Лермонтову [7, с. 223], при этом предпринимая попытку и собственной идентификации на фоне Лермонтова и героя его романа, добавляя: «Я тоже страдал от отсутствия воздуха» [7, с. 223]. Таким образом, герой, переживающий нравственный кризис и глубокий внутренний конфликт между идеями и способами поведения, крепко укорененными нацистской пропагандой в его сознании, и теми моделями поведения, которых требуют общечеловеческие гуманистические нормы, обращается к судьбе Лермонтова и герою его романа, чтобы обрести пути и способы выпрямления своей личности. Но при всей своей значимости лермонтовский текст в энциклопедическом романе Дж. Литтелла — часть огромного интертекстуального поля романа, актуализирующийся только в определенном месте действия — в Пятигорске, который герой воспринимает через призму лермонтовского текста [См. подробнее источники 15; 22]. Ж. Нива указывает, что Достоевский узнаваем в романе «до подробностей» [16, с. 214], а В. С. Парсамов, идентифицирующий главного героя романа как новую ипостась Ставрогина из романа «Бесы», подчеркивает, что «насыщенность романа цитатами из русской классики буквально бросается в глаза» [18, с. 194]. Интертекстуальность романа Литтелла выступает конструктивным художественным приемом, позволяющим достичь глобальности обобщения, она направлена, в первую очередь, как на разоблачение нацизма и его идеологии, так и на развенчание позиции героя, который ищет в нацизме спасения от собственных комплексов, от необходимости раскаяния, от осознания собственного несовершенства и необходимости его преодоления. Античная концепция трагической вины, возмездия и катарсиса актуализируется в романе для демонстрации неизбежности и необратимости идейного краха героя, который оказывается мучительнее физического возмездия.

Вместе с тем, при всей разнице построения романов, обусловленной их хронологической отдаленностью, реалистической интерпретации событий в прозрачном тексте Слепухина и их модернистским, символическим прочтением в романе-цитате Дж. Литтелла, деятельная гуманистическая позиция обоих писателей, придерживающихся исторической документальной точности в воссоздании военных событий, антропоцентризм как творческая и идеологическая установка приводят к сходным обобщениям как в оценке событий, так и в их влиянии на человека, их участника.

В заключительном романе тетралогии Ю. Г. Слепухина «Ничего кроме надежды» центральным событием последней, третьей части романа выступает взятие Берлина. Подготовка к штурму описана в шестой главе. В следующей, седьмой, показан не сам штурм Берлина: писатель переносит внимание на другого героя, разрабатывая сюжетную линию Сергея Дежнева, который еще 8 мая не знает точно, капитулировала ли Германия: Москва молчит. Только вечером полковник Прошин зовет к себе офицеров и объявляет о

победоносном окончании войны. Повествовательные эпизоды в шестой главе выстраиваются в строго хронологическом порядке и точно соответствуют этапам продвижения воинских частей в направлении Берлина. Действие в шестой главе начинается 19 апреля: предыдущая глава заканчивается сообщением советского офицера: «Вон, сводка была — войска Первого Украинского преодолели речку Шпрее, слыхала?» [23], согласно исторической хронике это произошло 19 апреля. Следующая шестая глава начинается с фразы: «В этот день на наблюдательный пункт генерал–полковника Николаева, выдвинутый к самой переправе, прибыл командующий фронтом» [23]. Части под командованием Николаева успешно форсировали Шпрее. Вечером того же дня, 19 апреля, состоялся разговор между командармом и маршалом Коневым, который сообщил, что армия под командованием Николаева будет окружать Берлин с юга, в 3 часа ночи 20 апреля начинается осуществление сложнейший маневр разворота танковой армады, 21 апреля наступление приостанавливается под Цоссеном и генерал Николаев лично выясняет причины задержки, тогда же он получает приказ от Конева ночью ворваться в Берлин, вечером следующего дня «передовые отряды всех трех корпусов 7-ой танковой армии почти одновременно вышли на Южный берег Тельтов–канала» [23]. В следующем эпизоде показан генерал Николаев на крыше восьмиэтажного фабричного здания, с которой ночью на 24 апреля командарм и офицеры смотрят на охваченный пожарами город¹.

¹ С точки зрения исторической, документальной точности события, описанные в шестой главе, полностью соответствуют действительному ходу операции наступления на Берлин и его окружения:

№104. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта начальникам инженерных войск фронта, 3-й и 5-й гвардейских, 13-й армий, командирам 6-й и 3-й понтонных бригад с требованием обеспечить быстрейшее форсирование р. Шпрее. 17 апреля 1945 г.

№105. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми, 3-й и 5-й гвардейскими и 13-й армиями об ускорении форсирования р. Шпрее. 17 апреля 1945 г. 18.15

№106 Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями о форсировании р. Шпрее и стремительном наступлении на Берлин. 18 апреля 1945 г. 01.40

№107. Донесение командующего 3-й гвардейской танковой армией командующему войсками 1-го Украинского фронта о форсировании р. Шпрее и продолжении наступления в направлении Берлина. 19 апреля 1945. 21.00

№108. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующему 3-й гвардейской танковой армией о преодолении рубежа Барут. 20 апреля 1945 г. 17.30

№109. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями о необходимости вступления в Берлин раньше войск 1-го Белорусского фронта. 20 апреля 1945 г. 19.40

№110. Боевое распоряжение командующего 3-й гвардейской танковой армией командирам 6-го, 7-го гвардейских танковых и 9-го механизированного корпусов о начале наступления на Берлин. 20 апреля 1945 г. 23.50

№111. Распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командиру 33-го стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии о необходимости улучшения организации боевых действий. 21 апреля 1945 г. 03.30

№112. Боевое распоряжение командующего 4-й гвардейской танковой армией командиру 10-го танкового корпуса на овладение юго-западной частью Берлина. 21 апреля 1945 г. 13.45.

№113. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующему 3-й гвардейской танковой армией о недопущении отхода противника в Берлин. 22 апреля 1945 г. 16.15

№114. Донесение командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о взятии Коттбуса. 22 апреля 1945 г. 17.40

№115. Донесение командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о разгроме остатков шпрембергской группировки противника. 24 апреля 1945 г. 01.40

Согласно военной хронике, битва за Берлин началась 25 апреля, ранним утром 1 мая над рейхстагом был поднят штурмовой флаг 150-ой стрелковой дивизии, а ночью 2 мая гарнизон рейхстага капитулировал. Развитие событий и структура повествования в шестой главе романа Юрия Слепухина строятся таким образом, чтобы сформировать у читателя ожидание описания боя в следующей главе. Однако именно эти события — решающую битву за Берлин в военном романе Слепухин не показывает, события в следующей главе развиваются уже после 2 мая (в начале главы сообщается, что «пятого мая восстала Прага» [23]), до солдат Дежнева доходят слухи о победе. Развитие событий и структура повествования в шестой главе романа Юрия Слепухина строятся таким образом, чтобы сформировать у читателя ожидание описания боя в следующей главе, но официально подтверждаются они только вечером 8 мая. Таким образом, в романе не только не показана

№116. Донесение командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о завершении окружения Берлина с запада и овладении городом Бранденбургом. 25 апреля 1945 г. 01.00

№ 117. Разведдонесение штаба 4-й гвардейской танковой армии о нанесенном противнику ущербе с 16 по 23 апреля 1945 г. 26 апреля 1945 г. [Первый украинский фронт: удар с юга //№104. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта начальникам инженерных войск фронта, 3-й и 5-й гвардейских, 13-й армий, командирам 6-й и 3-й понтонных бригад с требованием обеспечить быстрейшее форсирование р. Шпрее. 17 апреля 1945 г.

№105. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми, 3-й и 5-й гвардейскими и 13-й армиями об ускорении форсирования р. Шпрее. 17 апреля 1945 г. 18.15

№106 Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями о форсировании р. Шпрее и стремительном наступлении на Берлин. 18 апреля 1945 г. 01.40

№107. Донесение командующего 3-й гвардейской танковой армией командующему войсками 1-го Украинского фронта о форсировании р. Шпрее и продолжении наступления в направлении Берлина. 19 апреля 1945. 21.00

№108. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующему 3-й гвардейской танковой армией о преодолении рубежа Барут. 20 апреля 1945 г. 17.30

№109. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями о необходимости вступления в Берлин раньше войск 1-го Белорусского фронта. 20 апреля 1945 г. 19.40

№110. Боевое распоряжение командующего 3-й гвардейской танковой армией командирам 6-го, 7-го гвардейских танковых и 9-го механизированного корпусов о начале наступления на Берлин. 20 апреля 1945 г. 23.50

№111. Распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командиру 33-го стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии о необходимости улучшения организации боевых действий. 21 апреля 1945 г. 03.30

№112. Боевое распоряжение командующего 4-й гвардейской танковой армией командиру 10-го танкового корпуса на овладение юго-западной частью Берлина. 21 апреля 1945 г. 13.45.

№113. Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Украинского фронта командующему 3-й гвардейской танковой армией о недопущении отхода противника в Берлин. 22 апреля 1945 г. 16.15

№114. Донесение командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о взятии Коттбуса. 22 апреля 1945 г. 17.40

№115. Донесение командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о разгроме остатков шпребургской группировки противника. 24 апреля 1945 г. 01.40

№116. Донесение командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о завершении окружения Берлина с запада и овладении городом Бранденбургом. 25 апреля 1945 г. 01.00

№117. Разведдонесение штаба 4-й гвардейской танковой армии о нанесенном противнику ущербе с 16 по 23 апреля 1945 г. 26 апреля 1945 г. [РУССТРАНА: 1-ый украинский фронт: удар с юга // <http://руссстрана.рф/article.php?nid=10385>]

битва за Берлин, но опущен и сам промежуток времени, в течение которого она разворачивалась: Слепухин показывает читателю последствия битвы, освобождение Тани, ее встречу с Сергеем, трагическую судьбу Людмилы Земцевой, за которую даже генерал Николаев не отваживается поручиться, арест Кирилла Болховитинова, возвращение Тани в Энск, арест отца Ирины Лисичкиной, который был связан с комсомольским подпольем, но доказательств, его оправдывающих не осталось.

Битва за Берлин показана в романе не хронологически, не событийно, а через рассуждения о ней генерала Николаева. Причем, генерал рассуждает о предстоящей битве и как военный стратег и как человек гуманистических убеждений. Эта двойная оценка предстоящего штурма с точки зрения писателя важнее, чем собственно художественное описание битвы. Слепухин противопоставляет штурм Берлина сражению на Курской дуге, которое нашло непосредственное событийное воплощение в тетралогии. Курская битва была оправдана и стратегически и нравственно, а вот штурм Берлина через своего героя генерала Николаева писатель показывает как столкновение маршальских амбиций, как результат некоего соглашения: американцы практически без боев дошли до Берлина с запада и остановились. «Почему? — рассуждает Николаев. — Была, значит, соответствующая договоренность на высшем уровне?» [23] Командарм догадывается, что «вокруг Берлина затевается какая-то нечистая игра» [23]. Стратегически разумно на Эльбе соединиться с американцами, расцезь фронт противника надвое и заставить противника прекратить дальнейшее сопротивление («Как раз в чисто военном аспекте такое решение было бы самым верным: вынужденный обороняться против нас под Зееловом и против американцев под Бранденбургом, берлинский гарнизон попросту растаял бы, сдаваясь в плен союзникам», — размышляет генерал как военный стратег [23]), нравственно правильно побережь человеческие жизни солдат, которые дошли до Берлина, которые уже победили, смерть которых в последние войны будет чудовищной несправедливостью. Николаев вспоминает солдат, которых видел накануне звонка маршала и думает: «А теперь, значит, их всех напоследок в мясорубку — и баяниста, и мальчонку в каске, и того, что по-крестьянски сосредоточенно хлебал из котелка, примостив его в коленях, и многих, многих других. Всех, кто могли бы вернуться домой, но теперь не вернуться, потому что Конев не хочет делиться славой с Жуковым, а Сталин — с Эйзенхауэром, и поэтому эндшпиль решено разыграть самым испытанным из всех возможных способов: чтобы побольше крови. Просто, надежно, а главное — освящено, так сказать, традицией...» [23].

Генерал, как профессиональный военный, командир и стратег, прошедший всю войну, отлично понимает, насколько значительными будут потери, даже приблизительно может представить цифры: «Концентрический штурм «логова» обернется кровопусканием, какого не было со времени Курской битвы, — там ведь собрана последняя элита вермахта и СС — в окружении они будут драться до конца, как смертники... Зато мы окажемся первыми и единственными, зато к Первому мая будет чем порадовать советских людей, шарахнув над Кремлем какой-нибудь не виданный доселе салют и разослав по стране лишнюю сотню тысяч похоронок...» [23]. Те же невысказанные мысли посещают не только Николаева: генерал сразу же передает начштаба приказ главнокомандующего «проломить южный фас берлинской обороны», и начштаба было начинает обсуждать, насколько стратегически разумно такое решение, но Николаев его прерывает: «... еще неразумнее обсуждать решения Ставки» [23]. Как опытный военный командир Николаев стремится точно выполнить приказ, как человек, он продолжает рассуждать о стратегической целесообразности и нравственной оправданности штурма и наконец, накануне битвы за Берлин, приходит к выводу: «Безумное, преступное дело этот штурм. Хотя, наверное, все тут закономерно. Вся война была настолько

преступной и безумной, что и не могла завершиться ничем иным. Как чума, заразительны безумство и преступление, и этого тоже, видно, было не избежать. Такое время! Если применить старые критерии — обе стороны оказались зачумленными, каждая в своем роде. Те, кто руководил войной, все в конечном счете сравнялись в бесчеловечной жестокости, просто одни зверствовали над чужими народами, а другие — над своим собственным; кому что по душе» [23]. Таким образом, оригинальность художественного решения Ю. Слепухина состоит в том, что итог войне подводится нравственный, а не событийный. Аналогичные рассуждения о нравственных итогах войны, о чудовищном, растлевающем влиянии пропаганды ненависти не только к фашизму, но ко всему немецкому народу, присущи другому герою романа — артиллеристу Игнатьеву, которого можно считать духовным наставником Сергея Дежнева. Уже в первой главе заключительного романа военной тетралогии Игнатьев размышляет о влиянии войны на нравственное состояние общества, как о явлении диалектическом: «Тут все сложнее, война не только лучшее раскрывает в человеке, но и худшее тоже, она раскрывает его целиком, выворачивает наружу все, что есть у него в душе. Отдельно взятый человек может, пройдя испытание фронтом, стать лучше, честнее, научиться товариществу, самопожертвованию, это все так. Но в целом, как социальное явление, война не способствует подъему нравственности, и это тем заметнее, чем дольше она длится» [23]. В начале третьей части романа Игнатьев повторяет эти мысли, продолжая размышлять о «нравственных итогах войны» («Мы невероятно очерствели, понимаешь? Не знаю, стали ли жестче; пожалуй, нет, сами — не стали; но мы равнодушно принимаем жестокость государственную, которая становится нормой жизни. Поэтому я и думаю все время о нравственных последствиях этой войны, для меня это главное. Черствые уже и без того, вдобавок еще и озлобленные неважно на кого: на немцев, на собственных предателей или на тех, кто в тылу отсиживается, пока мы тут воюем, — мы можем после войны превратиться в совершенно бесчеловечное общество, превратиться постепенно, потому что это ведь как наследственные изменения в организме — у черствых и озлобленных родителей дети будут хуже в квадрате, а внуки — в кубе» — говорит герой романа [23].) Рассуждения о нравственных итогах войны, таким образом, обрамляют роман, который начинается с рассуждений Игнатьева о том, что в целом война не способствует подъему нравственности, и завершается размышлениями генерала Николаева о стратегической целесообразности и нравственной оправданности штурма Берлина.

В романе о войне, итог войны подводится интеллектуально-нравственный, гуманистический, а не хронологически событийный, фактически завершение войны показано как ожидание штурма Берлина, а не как документально воссозданная цепь событий, более того, в начале следующей главы сохраняется неопределенность относительно того, когда и как война завершилась. Очевидно, что война завершится тогда, когда изменится внутреннее состояние ее участников, когда они перейдут от ненависти и подозрительности к доверию, от разрушения и уничтожения к созиданию. Шестая глава третьей, заключительной части романа, в которой, таким образом, показано завершение войны, приобретает статус смыслового и композиционного центра повествования: все события, обрамляющие рассуждения генерала Николаева о штурме Берлина, приобретают особое значение, выделены притяжением к этим рассуждениям.

Собственно столкновение с противником в этой главе одно: с пленной шестнадцатилетней девушкой Эрикой Фишер, которую арестовали как предполагаемого члена «Вервольфа»¹. Генерал Николаев видит в ней не опасного врага, а девчонку,

¹ Партизанские части СС, созданные в сентябре 1944 года, задачей которых была подрывная и разведывательная деятельность в тылу наступающих войск союзников. Отряды «Вервольфа»

«взъерошенную, перепуганную, пытающуюся скрыть страх за этими своими «хайль Гитлер» и «мы вам еще покажем» [23]. Назначенный сопровождать девушку на дознание пожилой солдат Еремеев, сомневается и в ее принадлежности к «Вервольфу», генералу он осмеливается сказать: «Только сомнительно мне, точно ли она эта самая... ну, диверсанка. Девчонка совсем еще сопливая, глаза перепуганные...» [23]. Николаев стремится пробудить в девушке чувство справедливости, заставить ее задуматься о том, правильно ли мобилизовывать подростков, «которых твой обожаемый фюрер посылает на смерть — за неимением более подходящего пушечного мяса» [23]. Старый солдат Еремеев и вовсе жалеет девчонку, хочет накормить ее горячими щами с куском мяса перед тем, как конвоировать в город на дознание. Генерал Николаев, глядя на испуганную пленную девушку, вспоминает о своей племяннице Татьяне, Еремееву Эрика чем-то напоминает одну из его пятерых дочерей — Маняшку, старый солдат так и обращается к ней «дочка».

Только оба: и генерал и бывалый пятидесятишестилетний солдат ошибаются: Эрика никому не верит и никому не доверяет. Ее внутреннее состояние охарактеризовано так: «У нее в душе вообще уже не осталось ничего, кроме отчаянья — и ненависти. Ненависти к русским, которые убили папу (а он еще жалел их там, в лагере!), которые убили маму с Марихен, ненависти к американцам, которые сожгли их дом и заставили приехать сюда, а больше всего — ненависти к своим же немцам, трусам, пораженцам и дезертирам, проигравшим так хорошо начатую фюрером войну... [23]» Эрика — жертва пропаганды, которая неустанно рассказывала о зверствах большевиков, она честно отвечает Николаеву, что состоит в «Союзе германских девушек»¹, а в этой организации ее очень хорошо просветили: «Русские подвергают пленных пыткам, а для женщин придумывают самые страшные, с восточной изощренностью; руководительница местной организации БДМ рассказывала об этом девушкам очень подробно, показывала фотографии, от которых делалось нехорошо...» [23] Эрика игнорирует факты: ее изнасиловал накануне плена не советский солдат, а немецкий — пьяный дезертир из учебно-танковой дивизии «Богемия», все несчастья, которые обрушились на ее семью, следствие не нападения СССР на ее страну, а напротив нападения нацистской Германии на страны Европы и на СССР. Но Эрика продолжает считать, что войну фюрер начал правильно, что фюрер безупречен, а подвели его командиры и армия. Немецкий солдат, который поначалу берется ее сопровождать, называет фюрера «сволочью Адольфом, который засадил нас в дерьмо по самые уши» [23], и только усталость препятствует тому, чтобы Эрика пламенно возразила. Эрика ни минуты не сомневается в правдивости пропаганды, утрачивает способность анализировать и критически оценивать события, поэтому, продолжая верить в то, что дело фюрера правое, а русские — звери и низшая раса, она подрывает последней гранатой себя и старого русского солдата Еремеева.

Вместе с тем, рассуждая о губительной роли пропаганды ненависти, Игнатъев вспоминает о случаях, когда конвоир убивал пленных по дороге и шел под трибунал и ставит вопрос, кого нужно отправлять под трибунал: «Простого солдата, который начитался про четвертованных младенцев да повешенных старух, а потом получает приказ отвести пленного — и не выполняет этого приказа, не может выполнить, потому что болен

набирались из военнослужащих, СС, но к участию привлекались также подростки и пожилые люди. Об Эрике Фишер в романе Ю. Слепухина сказано: «Никаким членом «Вервольфа» она не была, девушек в эту организацию не принимали...»

¹ Союз немецких девушек (Bund Deutscher Mädel, BDM или BdM) — женская молодежная организация в нацистской Германии, молодежное и детское женское движение в составе гитлерюгенда, куда входили немецкие девушки в возрасте от 14 до 18 лет.

ненавистью! — или того сукиного сына, который привил ему эту заразу, не задумываясь о последствиях? Ты пойми — я ведь говорю о ненависти к народу, к людям, а не о ненависти к фашизму как системе. Это вещи разные, наша пропаганда должна была бы четко разграничить два понятия: власть и народ... а не валить все в одну кучу, вместе с ненавистью к режиму разжигая и ненависть к народу...» [23]. Тот же Игнатъев сомневается в правдивости некоторых сообщаемых пропагандистами фактов и даже отмечает бесчеловечные, страшные в своем цинизме приемы, которые используют пропагандисты, чтобы подогреть ненависть к врагу, не допускать ее ослабления. Он вспоминает: «Как раз в газетах было о том, что немцы под Харьковом захватили наш полевой госпиталь и перебили весь медперсонал. Я и говорю — вообще-то, не совсем понятно, зачем мы вооружаем наших врачей и медсестер, толку от этого никакого, а немцы свирепеют, поскольку по международным военным законам медперсонал не входит в категорию комбатантов и, значит, не имеет права носить оружие. А этот товарищ мне в ответ такую вещь сказал, что я до сих пор забыть не могу. Знаете, говорит, к тому, что рядом мужиков убивают, к этому солдат привык и обостренной ненависти к врагу это уже вызвать не может: ну что ж, война есть война. А вот когда он увидит изнасилованную санинструкторшу, которой еще и штык в живот всадили, — вот тут он на немца обозлится по-настоящему...» [23].

Эпизод с Эрикой чрезвычайно идеологически значим: он с максимально возможной наглядностью показывает гибельность пропаганды ненависти, ее античеловеческий, разрушительный, растлевающий характер. То, что жертвой Эрики становится старый солдат Еремеев, ни минуты не желавший ей зла, особенно значимо. Слепухин максимально приближает к читателю бывшего солдата, рассказывая о его семье, о его довоенной жизни, приводя его прозвище «папаша», которое он, очевидно, благодаря заботе и отеческому вниманию, заслужил среди солдат. Еремеев надевает две медали «За оборону Сталинграда» и «За отвагу» перед тем, как конвоировать Эрику. Показ этих медалей дополняет рассказ писателя о довоенной жизни солдата, который вспоминает в конце войны не о своих подвигах, а о доме, о жене и пяти дочерях, которые, он уверен, уже не останутся сиротами. Душу и разум мудрого крестьянина, вынужденного воевать за Родину, пропаганда не разрушила, а вот юной неопытной Эрику полностью овладела. В этом состоит еще одно страшное преступление нацистского тоталитарного режима перед своим народом.

Сходный эпизод показывает в романе «Благовоительницы» Дж. Литтел: двух офицеров и водителя берут в плен дети, объединившиеся в карательный отряд, вооруженный винтовками и сельскохозяйственным инвентарем. Это стихийное объединение примерно шестидесяти детей от шести до тринадцати лет, не имеющее отношения к «Вервольфу». Тем не менее, дети уверены, что имеют право карать и наказывать во имя фюрера и его великих идей. Офицеров дети обвиняют в дезертирстве, один из них — Томас, сразу оценивший серьезность положения, выдвигает правдоподобные оправдания. Старый водитель Пионтек, который видит перед собой не карателей, а брошенных осиротевших детей (кем они в действительности и являются), пытается остановить Томаса, считая, что одичавшим деткам нужна хорошая трепка. Тогда дети безжалостно забивают его насмерть дубинками и лопатами, их не останавливают ни крики Пионтека, ни его выбитый глаз. Дети «продолжают бить, пока голова Пионтека не превратилась в кровавое месиво» [7, с. 748]. Вместе с тем, поиск и убийство дезертиров и диверсии в тылу союзников детьми воспринимаются, как увлекательная и опасная игра: для «связи» они используют рацию из консервных банок и ни минуты не сомневаются, что по этой рации Томас связался с самим фюрером.

Одичавшие дети нападают на русских и безжалостно убивают их, прикидываясь порой несчастными голодными сиротами, которые просят хлеба. Герой-рассказчик описывает, «как

семилетний малыш вскарабкался на спину русскому и воткнул ему в глаз длинный гвоздь» [7, с. 750]. Жесткость в этой стае озверевших человеческих детенышей — норма отношения к врагам, к взрослым и к друг другу: раненых во время стычек детей безжалостно убивают, девочек бьют и бесконечно насилуют. Младшие дети уже утратили человеческую речь, «дети постарше едва говорили по-немецки» [7, с. 751]. «Хотя, по крайней мере, до прошлого года, все они ходили в школу, от воспитания не осталось и следа, кроме непоколебимой убежденности в принадлежности к высшей расе» — делится наблюдениями герой-рассказчик [7, с. 751]. Эта убежденность сообщает право на убийство и на преступление. Неудивительно, что дети извлекли из нацистской пропаганды самые удобные для них и облегчающие им выживание идеи. Но именно эта убежденность в праве на уничтожение всех тех, кого можно считать представителями низших рас, или тех, кто предал идеалы нацизма, объединяет озверевших детей и главного героя романа — интеллектуала и даже в некотором смысле свободомыслящего либерала. Ауэ — офицер СД — руководит расстрелами евреев на Украине и на Кавказе и в минуты сомнений ищет опоры в пропаганде, находя подтверждения правильности и оправдание своих действий. При этом в спорных вопросах герой либерален: он искренне пытается помочь горским евреям — «татам», добиваясь признания их прав евреями не считаться, позже, инспектируя лагеря, он искренне пытается улучшить условия содержания заключенных, обогатить их рацион, но с одной целью — повысить производительность труда. Ауэ считает, что он только выполняет приказы, более того, что он, по мере возможностей, проявляет человечность. Но надев форму, «в которой он служит своей стране» [7, с. 419], он приезжает в дом к матери и убивает ее и отчима, считая, что он вершит правосудие: наказывает мать за то, что она забыла отца, а отчима Моро за то, что тот посмел занять место отца. Зверства одичавших, озверевших детей, которые уверены, что продолжают служить фюреру, которые свои зверства расценивают, как боевое задание, как карательную и диверсионную деятельность в тылу врага, то есть как деятельность, необходимую фюреру и нацизму, поощряемую режимом («У нас свои задачи,» — говорит предводитель [7, с. 752]), — гротескное отражение деятельности главного героя на фронте и во время инспекции лагерей.

Дети свое объединение называют боевой группой «Адам», по имени предводителя. «Авторитет Адама, физически самого сильного, был непререкаем,» — замечает рассказчик [7, с. 751]. Стаю озверевших детей герои романа встречают накануне падения рейха, когда со стороны нацистов тоже подводятся итоги войны. В этом смысловом контексте встреча с управляемым тоталитарно объединением человеческих существ, в котором действует только один закон — закон торжества силы, — концептуально значима для демонстрации внутреннего механизма устройства нацистского режима. Стая озверевших детей, сражающихся для добычи и из-за добычи, выступает отражением в миниатюре системы отношений в нацистском государстве. Имя предводителя — Адам, которое носит и вся группа — выбрано как глубоко символичное: имя первого человека принимают последователи культа сверхчеловека, идеологии, утверждающей права избранной расы на особое место в мироздании. Проекция этих идей на стаю озверевших человеческих детенышей показывает, что на самом деле следование им ведет к деградации и к утрате человеческого облика. Дети напоминают рассказчику «примитивное племя» [7, с. 750], но их поведение, ссоры из-за добычи, нечеловеческая жестокость, утрата способности к членораздельной речи делают их скорее похожими на стаю животных, вне и внутри которой идет постоянная борьба за выживание. Рассказчику кажется, что Адам убивает всех взрослых, которых встречает, из инстинктивного животного страха быть побежденным или смешанным кем-то более сильным.

Дж. Литтелл подчеркивает, как недалеко от жестоких игр одичавших детей ушли взрослые нацистские офицеры: Томас не только принимает правила игры, но и звонит по консервной банке фюреру и даже передает трубку Адаму, а тот безоговорочно уверен, что говорил с самим Гитлером, подтвердившим особую миссию захваченных в плен офицеров. Томаса и Ауэ дети в отличие от других встреченных ими взрослых, как русских, так и немцев — дезертиров или отставших от своих частей во время отступления, — не убивают, очевидно ощутив глубокое внутреннее родство с ними. В конце романа фюрер награждает отличившихся офицеров, которые до последнего обороняли рейх. Во время награждения Ауэ совершает безумный поступок: он вцепляется зубами в огромный нос Гитлера. Выходка выглядит как шалость избалованного ребенка, недопустимая для взрослого человека, невозможная во взрослом возрасте. Безумная с точки зрения цивилизованного взрослого мира выходка абсолютно конгениальна миру культа силы и основанного на ней превосходства. Фактически герой затевает драку, чтобы проверить силу предводителя. Возможность такого прочтения этой сцены подкреплена двумя обстоятельствами: героя-рассказчика потрясли маленький рост фюрера, фуражка которого едва доставала до уровня глаз героя, отнюдь не гиганта, и «тошнотворное, смрадное дыхание» [7, с. 767] фюрера — претензии на роль сильнейшего и предводителя не подкрепляются внешним видом фюрера. Ауэ не выдерживает смрадного дыхания фюрера, то есть распознавание вожака подчиняется животным инстинктам, определяется по запаху, росту, силе. Герой устраивает ему проверку по критериям подросткового объединения: рост, сила, обаяние должны обеспечить высокое положение, если претендент этим не обладает, ему нужно устроить проверку — укусить за нос, например. Показательно, что с точки зрения подростковых правил фюрер терпит фиаско, признает свою слабость, он только вопит, а не сопротивляется унижению, на его защиту бросаются приближенные и охрана: Борман уводит фюрера, а Мюллер требует допросить Ауэ. Упрощенная концепция мироздания, в которой прав сильнейший, а понятия ответственности не существует превращает вовлеченных в ее орбиту людей в вечных детей, которые не способны стать по-настоящему взрослыми в способности рассуждать и отвечать за свои поступки, но способными творить чудовищное зло, опираясь на незыблемые правила тоталитарной системы, частью которой они являются. Ауэ, по-прежнему обиженный на мать, не изживший свои детские комплексы и переживания, в этой сцене выглядит жестоким, заигравшимся в смертельные для всего человечества игры ребенком. Важно то обстоятельство, что тоталитарной системе выгодно препятствовать взрослению, поэтому пропаганда ведется таким образом, чтобы сделать из людей вечных легковерных детей, не отдающих себе отчета в ценности жизни и не понимающих, что значит отвечать за поступки. От этих, имеющих страшные, разрушительные качеств, не свободна и пропаганда советская. На эту пропагандистскую преступную недальновидность обращает внимание и герой-философ в романе Ю. Г. Слепухина «Ничего кроме надежды» артиллерист Игнатьев: «Если человека действительно научить ненавидеть — хотя бы это была и оправданная ненависть, пойми, — не знаю, сможет ли этот человек когда-нибудь вернуться к нормальному душевному состоянию. Есть болезни, которые бесследно не проходят, — вроде бы и выздоровел, а какой-то внутренний надлом в организме остался и рано или поздно обязательно проявится. А наш народ ненавидеть научился, в целом пропаганда действует — и чем грубее, чем примитивнее, тем более эффективно» [23]. Игнатьев замечает, что результаты такой пропаганды «уже сказываются» [23]. Именно эти разрушительные для самого понятия человечности, для человека вообще результаты, показывая стаю озверевших детей, для которых жизнь и смерть все же часть смертельно опасной и для них и для всех, кто

с ними встретится, игры, художественно воплощает Дж. Литтелл, подчеркивая прямую параллель между стаей одичавших детей и офицерами, служащими рейху.

Заключительные сцены романа Литтелла, описывающие крах рейха, разворачиваются в разгромленном зоопарке, из которого пытаются убежать выжившие животные. Ауэ, Томас и преследователи Ауэ, мертвые солдаты ваффен-СС оказываются среди них. В конце романа, таким образом, нацистские офицеры прямо уподоблены животным, спасающимся бегством. Тоталитарное правление, утверждение бесчеловечных принципов отношения к другим людям в конце концов вытравило и из самих героев все человеческое. Это подтверждается тем, что главный герой напрочь утрачивает способность ценить и видеть в ком-то проявления человечности: он убивает своего лучшего друга, помогавшего ему всю жизнь, только что спасшего его от смерти, присваивает его документы. Любопытно, что двое русских солдат, идущих мимо, не замечают Ауэ рядом со слоненком, тремя шимпанзе и оцелотом [7, с. 778], как будто он перестал отличаться от животного даже внешне. Требуется вмешательство высших сил, богинь мщения Эриний, чтобы пробудить в герое стыд и раскаяние. В трактовке заключительных сцен романа следует скорее согласиться с Ж. Нива, считающим, что герой постепенно превращается в животное [16, с. 212], а не с В. С. Парсамовым, который видит в этой сцене цитату из «Бесов» Достоевского [18, с. 194], хотя типологическая взаимосвязь героя Литтелла с Николаем Ставрогиным безусловно заявлена в романе.

Необходимо подчеркнуть, что процесс расчеловечивания человека под влиянием пропаганды (озверевшие детки из группы «Адам» идею расового превосходства усвоили в школе) показан в романе Литтелла как всеобщий, независимо от возраста и статуса людей, испытывающих ее воздействие. Пропаганда одинаково преступно влияет на всех: и на детей, и на взрослых, пропагандистское искажение мира, подмена понятий справедливости, истины, добра соображениями полезности тоталитаризму — это способ выживания бесчеловечного тоталитарного режима. Но именно дети оказываются наименее защищенными от влияния пропаганды и растление детей бесчеловечными, преступными идеями особенно страшное преступление. Подводя нравственные итоги войны, разоблачая нацистскую тоталитарную идеологию, писатели-гуманисты Ю. Г. Слепухин и Дж. Литтелл вводят на одном и том же хронологическом промежутке развития действия в своих романах — накануне падения Третьего рейха — сходные по содержанию и по силе художественного воздействия эпизоды, показывающие дезориентированных, ожесточенных, не умеющих отличать ложь от правды, действительность от игры детей — жертв нацистской пропаганды, но при этом одновременно чудовищно опасных проводников ее идей и исполнителей ее приказов. Опасных потому, что кроме этих идей они ничем не владеют, а сами идеи существуют для них, как прямое руководство к действию, не как абстрактная философия, а как прямой приказ, не подлежащий сомнению.

Романы Ю. Г. Слепухина и Дж. Литтелла, несмотря на различия в способах создания образа и принципах художественного обобщения, объединяет гуманистическая позиция авторов, которые результат глобальных исторических событий измеряют исключительно мерой их человечности.

Список литературы:

1. Агеносов В. В. Война в произведениях писателей ДИ-ПИ и второй эмиграции // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения-2014: труды международной научной конференции. СПб.: Фонд Юрия Слепухина, ИД «Петрополис», 2015. С. 60-78.

2. Бабичева М. Е. Война и мир XX столетия: тетралогия Ю. Г. Слепухина: романы «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000) // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сб. ст. и материалов. СПб.: Фонд Юрия Слепухина; ООО ИПП «Ладога», 2012. С. 252-272.
3. Базанов П. Н. Русская эмиграция в жизни и творчестве Ю. Г. Слепухина // в кн.: Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. Сб. ст. и матер. СПб: Фонд Слепухина: Ладога, 2012. С. 301-323.
4. Блок А. А. О назначении поэта. Речь, произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании, в 84-ю годовщину смерти Пушкина. Режим доступа: <https://lit.wikireading.ru/40117> (дата обращения: 20.03.2018).
5. Егорова Л. П. Юрий Слепухин о проблеме эмиграции: анализ публицистики писателя // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. №22-1. С. 212-216.
6. Ковалев Б. Н. Сравнительный анализ описания нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. по архивным источникам и по роману Юрия Слепухина «Тьма в полдень» (1968) // в кн.: Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. Сборник статей и материалов. СПб: Фонд Слепухина: Ладога, 2012, С. 284-300.
7. Литтелл Дж. Благовоительницы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 800 с.
8. Литтелл Дж. Чечня. Год третий. 2012. 128 с
9. Литтелл Дж. Хомские тетради. Записки о сирийской войне. М.: Ad Marginem, 2013. 248 с.
10. Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008.
11. Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 194 с.
12. Мельникова Е. В. Ведущие мотивы романов Ю. Г. Слепухина, определяющие циклическое единство тетралогии // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. №1-2. С. 74-78.
13. Мельникова Е. В. Перекресток как образ дороги и символ выбора (на материале Ю. Г. Слепухина «Перекресток») // Филология и литературоведение. 2016. №1 (52). С. 3-6.
14. Мосейкина М. Н. Судьба поколений русской эмиграции в контексте российско-латиноамериканского диалога культур // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 157. №18 (4). С. 55-67.
15. Неретина С. С. Леромонтов и Литтелл: семантика повторов // Культура и искусство. 2015. №2. С. 157-170.
16. Нива Ж. Эринии Литтелла - судьи или подсудимые? // Иностранная литература, 2008. №12. С. 212-220.
17. Очерки, статьи, выступления Юрия Слепухина разных лет // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сборник статей и материалов. СПб.: Фонд Слепухина: Ладога, 2012. С. 379-470.
18. Парсамов В. С. Николай Ставрогин: его «предки» и «потомки» // Исторический вестник. 2013. Т. 4. №151. С. 184-205.
19. Погребная Я. В. Взросление как нравственная проблема в «молодежном романе» Юрия Слепухина «Киммерийское лето» // В сб.: Развитие системы педагогического образования в современной России: антропологический аспект Материалы XI Международной научно-практической конференции. Под ред. Л. Л. Редько, С. В. Бобрышова, Е. Г. Пономарева. 2015. С. 372-378.

20. Погребная Я. В. Роман Ю. Г. Слепухина «Южный крест»: аспекты педагогической и антропологической типологии // В сб.: Учитель в системе современного антропологического знания. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Под ред. Л. Л. Редько, С. В. Бобрышова, Е. Г. Пономарева. 2016. С. 487-495.

21. Погребная Я. В. Рецепция героев романов писателя-репатрианта Ю. Г. Слепухина в аспекте формирования речемыслительной компетенции школьников // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. №22-1. С. 169-174.

22. Погребная Я. В. Аспекты исследования творчества М. Ю. Лермонтова: семиотика, мифопоэтика, компаративистика // Под ред. Е. И. Дворниковой. Ставрополь, 2017. 236 с.

23. Слепухин Ю. Ничего кроме надежды. Режим доступа: <https://goo.gl/HNVTbb> (дата обращения: 24.03.2018).

24. Слепухин Ю. Собр. соч. в 5 т. СПб.: Ладога, 2011.

25. Слепухин Ю. Письма Д. Б. Чомакову // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сб. ст. и матер. СПб.: Фонд Слепухина: Ладога, 2012. С. 471-481.

26. Фонд Юрия Слепухина. Произведения Юрия Слепухина. Режим доступа: <http://www.yslepukhin.ru/> (дата обращения: 20.03.2018)

27. Эмигранты и репатрианты XX века. Тема Родины и возвращения. Тезисы докладов / Благотворительный фонд имени Ю. Г. Слепухина, Всероссийский музей А. С. Пушкина, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российская национальная библиотека, Союз писателей Санкт-Петербурга при поддержке Комитета по культуре Ленинградской области, Комитета по печати и связям с общественностью Ленинградской области, Администрации МО «Город Всеволожск», 2014. 718 с.

28. Юрий Слепухин: XX век. Судьба и творчество. // Сб. ст. и матер. Благотворительный фонд им. Юрия Григорьевича Слепухина «Лучшие книги - библиотекам». Санкт-Петербург, 2012. 560 с.

References:

1. Agenosov, V. V. (2015). War in the works of writers DI-PI and the second emigration. Emigrants and immigrants of the twentieth century: Slepukhin Readings-2014: Works of the International Scientific Conference. St. Petersburg: *Yuri Slepukhin Foundation, Publishing House "Petropolis"*, 60-78.

2. Babicheva, M. Ye. (2012). War and peace of the twentieth century: tetralogy Yu. G. Slepukhin: novels "Crossroads" (1962), "Darkness at Noon" (1968), "Sweet and Honorable" (1985), "Nothing but Hope" (2000). *Yuri Slepukhin: The Twentieth Century. Fate. Creativity: Sat. Art. and materials*. St. Petersburg: Yuri Slepukhin Foundation; *ООО ИПП "Ladoga"*, 252-272.

3. Bazanov, P. N. (2012). Russian emigration in the life and work of Yu. G. Slepukhin // *Yuri Slepukhin: XX century. Fate. Creation. Sat. Art. and mater*. St. Petersburg: Slepukhin Foundation: *Ladoga*, p. 301-323.

4. Block, A. A. On the appointment of the poet. Speech delivered at the House of Writers at the grand meeting, on the 84th anniversary of Pushkin's death. Access mode: <https://lit.wikireading.ru/40117> (reference date: 20.03.2018).

5. Yegorova, L. P. (2017). Yuri Slepukhin on the problem of emigration: analysis of the writer's journalism. *Linguoritoric paradigm: theoretical and applied aspects*, (22-1). 212-216.

6. Kovalev, B. N. (2012). Comparative analysis of the description of the Nazi occupation during the Great Patriotic War of 1941-1945. on archival sources and on the novel by Yuri Slepukhin "Darkness at Noon" (1968). in the book: *Yuri Slepukhin: XX century. Fate. Creation. Collection of articles and materials*. St. Petersburg: *Slepukhin Foundation: Ladoga*, 284-300.

7. Littell, J. (2014). Blagodolitel'nitsy. Moscow: *Ad Marginem Press*, 800.
8. Littell, J. (2012). Chechnya. The third year. 128
9. Littell, J. (2013). Chomsky notebooks. Notes on the Syrian War. Moscow: *Ad Marginem*, 248.
10. Matveeva, Yu. V. (2008). Self-consciousness of the generation in the work of young immigrant writers: the author's abstract. dis. ... Dr. Philol. sciences. Ekaterinburg.
11. Matveeva, Yu. V. (2008). Self-consciousness of the generation in the work of young emigre writers. The Urals. state. un-t them. A. M. Gorky. Ekaterinburg: *Publishing house Ural University*, 194.
12. Melnikova, E. V. (2016). The leading motifs of the novels Yu. G. Slepukhin, defining the cyclic unity of tetralogy, *New Science: Theoretical and Practical View*, (1-2). 74-78.
13. Melnikova, E. V. (2016). Crossroads as an image of the road and a symbol of choice (on the material of Yu. G. Slepukhin "Crossroads"). *Philology and Literary Studies*, 1 (52). 3-6.
14. Moseikina, M. N. (2016). The fate of generations of Russian emigration in the context of the Russian-Latin American dialogue of cultures. *Izvestiya Ural Federal University, Series 2: The humanities*, 157 (18 (4)). 55-67.
15. Neretina, S. S. (2015). Lermontov and Littell: semantics of repetitions. *Culture and Art*, (2). 157-170.
16. Niva, J. (2008). Erinia Littella - judges or defendants? *Foreign literature*, (12). 212-220.
17. Essays, articles, speeches by Yuri Slepukhin of different years (2012). Yury Slepukhin: XX century. Fate. Creativity: a collection of articles and materials. St. Petersburg: *Slepukhin Foundation: Ladoga*, 379-470.
18. Parsamov, V. S. (2013). S. Nikolai Stavrogin: his "ancestors" and "descendants". *Historical Herald*, 4(151). 184-205.
19. Pogrebnaya, Ya. V. (2015). Growing up as a moral problem in the "youth novel" by Yuri Slepukhin "The Cimmerian Summer". *The Development of the Pedagogical Education System in Contemporary Russia: an Anthropological Aspect*. Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference. Ed. L. L. Redko, S. V. Bobryshova, E. G. Ponomareva. 372-378.
20. Pogrebnaya, Ya. V. & Roman, Yu. G. (2016). Slepukhina "Southern Cross": aspects of pedagogical and anthropological typology. In: *Teacher in the system of modern anthropological knowledge. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference*. Ed. L. L. Redko, S. V. Bobryshova, E. G. Ponomareva. 487-495.
21. Pogrebnaya, Ya. V. (2017). Reception of the heroes of the novels of the writer-repatriate Yu. G. Slepukhin in the aspect of forming the rechemmislative competence of schoolchildren. *Linguoritoric paradigm: theoretical and applied aspects*, (22-1). 169-174.
22. Pogrebnaya, Ya. V. (2017). Aspects of the study of the creativity of M. Yu. Lermontov: *semiotics, mythopoetics, comparativistics*, Ed. E. I. Dvornikova. Stavropol, 236.
23. Slepukhin, Yu. Nothing except hope. Access mode: <https://goo.gl/HNVTbb> (date of circulation: 24.03.2018).
24. Slepukhin, Yu. (2011). Collected Works. op. in 5 tons. St. Petersburg: Ladoga.
25. Slepukhin, Yu. (2012). Letters to D. B. Chomakov. Yury Slepukhin: XX century. Fate. Creativity: Sat. Art. and mater. St. Petersburg: Slepukhin Foundation: *Ladoga*, 471-481.
26. The Yuri Slepukhin Foundation. Works by Yuri Slepukhin. Access mode: <http://www.yslepukhin.ru/> (reference date: 03/20/2018)
27. Emigrants and returnees of the twentieth century. (2014). The theme of Motherland and return. Theses of reports. Charitable Foundation named after Yu. G. Slepukhin, *All-Russian Museum of A. S. Pushkin Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences*,

the National Library of Russia, the Union of Writers of St. Petersburg with the support of the Committee for Culture of the Leningrad Region, the Press and Public Relations Committee of the Leningrad Region, the Administration of the City of Vsevolozhsk, 718.

28. Yuri Slepukhin: The twentieth century. Fate and creativity. (2012). Sat. Art. and mater. Charitable Foundation. Yuri Grigorievich Slepukhin “The best books for libraries”. *St. Petersburg*, 560.

*Работа поступила
в редакцию 20.05.2018 г.*

*Принята к публикации
25.05.2018 г.*

Ссылка для цитирования:

Погребная Я. В. Роман Ю. Слепухина «Ничего кроме надежды» в аспекте типологических аналогий // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №6. С. 421-438. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/pogrebnaaya-ya-v> (дата обращения 15.06.2018).

Cite as (APA):

Pogrebnaaya, Ya. (2018). Roman Yu. Slepukhin “Nothing but hope” in the aspect of typological analogies. *Bulletin of Science and Practice*, 4(6), 421-438.